

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

6. Верх плафона шатром.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВО-АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾

Когда приходится слушать вопросы об арабской литературе, невольно вспоминается роман «Власть мертвых» недавно популярного Бласко Ибаньеса. Идея, вложенная в это заглавие, сказывается и здесь. Жизнь направляют и устраивают не живые люди, которые гордо считают себя властителями ее. Она идет по тем путям, которые намечены их предками — мертвыми; сотнями нитей связаны с ними живые и, сами того не замечая, они покорно подчиняются их велениям. Не малое мужество требуется иногда, чтобы убить этих великих мертвецов и отказаться от их часто славных, но уже непосильных для живых заветов. Так бывает с людьми, но так бывает и с целыми нациями, которые задавлены своим знаменитым прошлым, которые были когда-то посетителями великих культур.

Здесь мертвые не только повелевают, здесь они заслоняют живых от взоров других живых. Все знают греческое искусство или греческую религию, но никто за ними не видит современной Греции. Иногда это вопрос только отвлеченного интереса или любознательности, но иногда колесо истории поворачивает в другую сторону: за тем, кого мы считали мертвецом или погруженным в сон, вырисовывается живой лик, иногда величественный, часто страшный, всегда поражающий своей неожиданностью. Пример Японии еще свеж в нашей памяти.

Славное прошлое заслонило арабов от взоров европейца. С их именем твердо связывают Коран или 1001 ночь, но при вопросе о современности встает ряд бледных, смутно фантастических картин. Виднеются богатые купцы, которые в кофейнях за кальяном слушают рассказы из той же 1001 ночи; вспоминается бедуин, распеваящий «про дела отцов» у цветного шатра; изредка при газетной заметке о пан-исламизме вырисовывается загадочная фигура фанатика с мечом, готового обрушиться священной войной на христианский мир. Турнисты дополняют фон этой картины рассказами про назойливых лодочников или погонщиков, вечно надоедающих просьбами о бахшише.

И за этими картинами совершенно скрыта настоящая действительность. Незвестным остается существование богатой периодической прессы, раскинувшейся в четырех или даже пяти частях света, существование ряда общественных и политических партий с самой разнообразной идеологией. Арабские страны и теперь являются крупным экономическим фактором, который служит одним из необходимых звеньев в международном обмене берегов

¹⁾ Предполагая в дальнейших номерах журнала знакомить, по мере возможности, с отдельными фактами ново-арабской литературы и общественности, автор настоящей статьи считал необходимым охарактеризовать общие условия ее роста. Статья не ставит задачей дать представление о самой литературе или отдельных авторах и произведениях: она только намечает условия ее зарождения и рамки дальнейшей жизни. Попытка обрисовать сложные вопросы ее идеологии в общей картине поможет читателю в будущем правильно осветить отдельные частности.

Средиземного моря. Сами арабы в общечеловеческом смысле — наиболее культурный народ ближнего востока, лидер мусульманского мира, каким он был и в средние века, но в то же время авангард европейского влияния. Причудливые комбинации вызывает эта встреча запада с востоком; из всех сторон современной арабской культуры наиболее отчетливым объектом изучения может служить литература, возрождение которой хронологически очень удачно определяется началом XIX века.

В попытке дать хотя бы некоторое представление о ходе ново-арабской литературы заложена известная доля дерзости. Если в русской литературе, по словам одного из лучших ее историков, «об общей истории литературы, хотя бы по периодам, еще долго нельзя будет и думать: все усилия должны быть направлены на детальную разработку материала», то, конечно, даже самая идея истории ново-арабской литературы может вызвать только улыбку. И при всем том эти слова не заставят отказаться теперь от всяких попыток общих построений. В науке, как и в литературе, в каждый данный момент необходимы итоги, хотя бы черновые, хотя бы грозящие устареть на другой день, потому что по ним ориентируется дальнейшее движение. И тот же самый историк признает, что, «исследуя частности, погружаясь в факты, мы никогда не должны забывать, что в последнем итоге наша работа должна служить раскрытию художественной импульсии и ее развития, подобно тому, как, проводя радиус на глаз, стараешься возможно точнее выдержать прямизну линии, но также ни на минуту не забываешь, что она должна вести к центру».

Итоги нужны в каждый данный момент для науки; это не для всех убедительно, но гораздо важнее, что они нужны и для жизни. С особенной настойчивостью говорят эти итоги о своей законности в моменты великих потрясений, и социальных, и неизбежно с ними связанных умственных, которые знаменуют собой этапы в духовном движении человечества.

Что Россия переживает теперь как раз такой момент, об этом не приходится распространяться: именно теперь ей надо пересмотреть и решить вопрос об отношении к другим народам, если она не хочет окончательно остаться за бортом мирового корабля. Но то же самое можно применить и к арабам: после мирового катаклизма они оказались уже в совершенно ином положении, чем до войны. По каким путям пойдет дальше развитие литературы, сказать нам, отрезанным от нее, трудно; знаменательно, что датой войны завершается 100-летнее существование новой арабской литературы, так как первые ее проблески связаны с эпохой после великой французской революции.

Построение периодов в литературе вещь крайне опасная, особенно когда при этом создается представление о регулярной и планомерной смене этих периодов в связи с фактами внешней истории. И тем не менее такой факт играет несомненно едва ли не основную роль в возникновении ново-арабской литературы: этот факт — египетская экспедиция Наполеона (1798—1801), открывающая эру непосредственного воздействия новой европейской культуры на арабский восток. Со второй четверти XIX века такую же роль начинают играть в Сирии школы, которые открываются в большом числе различными духовными миссиями из Европы и Америки. С этого времени вся арабская жизнь проходит под знаком сильнейшего и даже подавляющего воздействия новой европейской культуры.

В истории арабов это явление не представляется единичным. Нечто подобное было уже в VIII—IX веке в эпоху расцвета багдадского халифата. Харун-ар-Рашид с легендой о посольстве его к Карлу Великому, сын его

аль-Мамун, сносившийся с византийским императором, — как бы знаменуют в своих фигурах основную черту этого периода. Греко-сирийская наука владела тогда умами лучших представителей литературы, широким потоком вливалась в арабскую письменность и жизнь. Однако характер воздействия был иной. Тогда усвоение совершалось свободно, по стимулам внутренней потребности; пересаживалась культура, уже завершившая свое развитие. Теперь, в XIX веке, встреча произошла с культурой живой, рост которой шел быстрее, чем могло поспеть усвоение. Тогда воспринимающей стороной были победители в борьбе за политическое и экономическое преобладание. Теперь новая культура навязывалась внешними обстоятельствами жизни пароду, утратившему свое политическое могущество и еще не познавшему внутреннюю ценность этой культуры. Результатом такого несознательного отношения часто являлась духовная подавленность от невозможности усвоить и поспеть за темпом жизни. Часто это вызывало протест и стремление замкнуться в старых рамках, искусственно их поддерживая, но еще чаще вело к поверхностному усвоению, результатом которого было презрение ко всему своему, как неоправданному жизнью, недостойному внимания современного человека. Только далеким идеалом у отдельных умов мелькает мысль о будущем синтезе обеих культур, когда, по словам Амина Рейхана, «самым культурным будет признан не европеец и не восточный человек, а тот, кто сумеет выбрать из достоинств одного и другого все преимущества европейского гения и азиатского пророка».

Европейское влияние позволяет определенно говорить о новом периоде в арабской литературе. Отличие от всего предшествующего обнаруживается здесь не только в общем типе, но и в тех неслыханных раньше факторах, которые оказывают теперь влияние на развитие литературы. Появляются новые школы, занесенные Европой или созданные по европейским образцам: французский Université St. Joseph в Бейруте, американский Syrian College там же, полу-европейский университет в Каире, чисто-арабская по языку и идеологии, но европейская по структуре высшая школа Туниса — аль-Хальдуния, названная по имени великого историка-философа XIV века. Французская экспедиция заносит в Египет два неведомых раньше элемента культуры — типографию и периодическую прессу. После слабых попыток, с 20-х годов неуклонно идет развитие этих отраслей, и давно уже арабы могут гордиться ими перед восточными собратьями. Общества научные, литературные, политические создают интеллигентную среду, вызывают неведомую раньше сплоченность духовных сил и возможность не только поставить известную цель, но и достичь ее. С 50-х годов появляется и арабский театр, сперва в виде слабых любительских попыток, а к началу XX века приобретающий уже значение серьезного общественно-литературного явления. Все это сделал один XIX век, посмеявшись над любимой в Европе легендой о «драхлом востоке».

Если хронологические рамки нового периода в арабской литературе удобно определяются этим XIX веком, то географические придется значительно сузить по сравнению с тем пространством, которое можно считать принадлежащим арабской расе. Из всего числа 45—50 миллионов арабов, сплошной массой живущих в юго-западной Азии и северной Африке, далеко не все останутся в поле нашего зрения. Очагов возрождения только два — Сирия и Египет. Когда интернациональный ислам погубил арабскую идею, и лишённые отечества мусульмане предали арабское дело, то за него взялись арабские христиане Сирии. В Сирии под вековым пеплом продолжали тлеть угли традиционной поэзии и науки; в Алеппо,

городе европейских факторий, всегда находился кружок, поддерживавший жизнь родного языка. С переходом гегемонии к Бейруту огонь, тлевший под пеплом, вспыхнул ярким пламенем от перекрестного ветра восточного и западного влияния. Здесь запылал очаг, перенесенный и в Египет. Но если основной стимул исходил от Сирии, если и до сих пор она поставляет главный коптилент литераторов, то второй родиной новой литературы явился Египет. Мягкость цензуры по сравнению со свирепствовавшей в Сирии, экономический расцвет, особенно с 80-х годов, изменение торговых путей в связи с прорытием Суэцкого канала—все это вызывало усиленный приток эмигрантов из Сирии, и не малая доля их состояла из журналистов и литераторов, часто искавших здесь спасения от турецкого политического гнета. Крупнейшие периодические издания, которые получили мировое значение, были основаны сирийскими арабами; они явились идеологами важнейших общественных партий и группировок. При такой роли Сирии и особенно Египта в новой арабской литературе, другие страны отходят на задний план и только в лучшем случае являются пассивным воспринимающим элементом. Как это ни странно, по Алжир не дал ничего в этой области: внешняя европеизация здесь произошла слишком быстро и не позволила отнестись вдумчиво к своему языку и литературе. Тунис оказался в более благоприятном положении, хотя попытки местных деятелей внести свою долю в сокровищницу обще-арабской литературы относятся к совсем недавнему времени. Месопотамия с ее славным прошлым и до наших дней жила этим прошлым. Только в начале XX века стали здесь сказываться новые течения, отчасти под влиянием Египта, отчасти местных школ и духовных миссий, как было почти сто лет тому назад в Сирии. Мировая война и здесь изменила положение: по некоторым данным можно предполагать, что дальнейшее развитие литературы в Месопотамии найдет аналогию с движением ее в Египте после английской оккупации. В стороне от новых течений остаются две области—Аравия и Марокко; и там, и здесь нет почти никакой прессы, кроме официальной, и там, и здесь в сфере духовной культуры царит еще средневековье.

Ограничив область ново-арабской литературы только некоторыми странами из тех, где преобладает арабское население, мы должны сильно ее расширить пределами арабской диаспоры. Тяга арабской интеллигенции шла не только в Египет. Уже политический центр государства — Стамбул привлекал к себе представителей всех национальностей с эпохи их подчинения туркам. Именно здесь в 50-х годах появилась первая неофициальная газета на арабском языке. Роль европейских центров, где с того же времени встречаются более или менее значительные арабские колонии, сказала еще сильнее. Одно количество периодических изданий ясно говорит, каким потоком европейская мысль неслась на родину арабских выходцев. Но все это влияние померкло по сравнению с тем, что дала для новой арабской литературы Америка. Здесь, в обстановке деловой лихорадочной жизни, идет знакомство не только с Америкой, но часто и с Европой. Самый состав эмиграции, очень значительный количественно, создает более устойчивую, чем в Европе, среду, и ее влияние проникает все стороны жизни на родине. Можно сказать, что новейший период ново-арабской литературы, начиная с XX века, прямо или косвенно связан с эмиграцией в Америку. Сирия—Египет—Америка—вот три исторических этапа новоарабской литературы, но в такой же мере они являются и этапами географическими. Именно здесь, в этих странах, легче всего проникнуть в душу арабского народа, уловить все его чаяния, увидеть отражение его облика в литературе.

Едва ли к этой литературе можно будет подойти с обычным ходячим определением, как оно складывается у европейского читателя и критика. Если мы признаем за литературу только «словесные произведения, которые в силу особенностей своей формы обладают способностью возбуждать воображение, чувствительность или эстетическое чувство читателя», — то целые отрасли ново-арабской литературы будут оставлены за бортом, — отрасли, без которых ее характеристика окажется неполной. Здесь приходится сделать некоторую уступку и часто идти на компромисс понимания литературы, как письменности. Особенно это ощутительно в первой половине XIX века, когда отдельные области не всегда еще дифференцировались, а деятельность основателей нового движения, создавших среду для его восприятия, интересна во всей ее целостности, а не только в отдельных произведениях изящной литературы. Периодическая пресса — это дитя XIX века, важный фактор арабской общественной жизни — тесно связана с развитием публицистики и особого журнального стиля, насчитывающего талантливых представителей. Более нормальным с обычной точки зрения явится наше внимание к новой поэзии, которая медленно отказывается от старых форм, к драме и роману, представляющим создание ново-арабской литературы.

Вертикальное деление по родам литературы таким образом вырисовывается; горизонтальное — по периодам может быть намечено только приблизительно в связи с политическими изменениями.

Деятельный век для арабских стран это — история их юридического или фактического освобождения от турецкого владычества. В начале него наиболее интересные для нас области — Сирия, Египет, Тунис, Алжир — еще подчинялись турецкому султану; теперь все они или оккупированы европейскими державами, или находятся под их протекторатом. Движение совершалось, конечно, медленно. В Египте таким исходным пунктом можно считать упомянутую французскую экспедицию (1798 — 1801) и утверждение основателя хедивской династии (1805). Сирия до 40-х годов остается частью во власти Египта, частью местных правителей, иногда объединяющих почти всю страну, как знаменитый эмир Бешир. Переворот здесь наступил в 1860-м году, когда после вмешательства европейских держав, в связи с дамасской резней христиан, Ливан получил известную автономию. Литературная деятельность сосредоточивается преимущественно в Бейруте и здесь вырастает круг деятелей, работа которых открывает уже второй период ново-арабской литературы. Связан он преимущественно с Египтом; после оккупации его англичанами в 1882 году значительно смягчаются цензурные условия, экономическое оживление дает возможность самостоятельного существования литературы, появляется неизвестный раньше тип писателя-профессионала. Новый этап знаменуют турецкие перевороты, начиная с 1908 года, которые отражаются во всех областях жизни так же, как у нас 1905 год. Учесть все стороны развития в последнем периоде невозможно, так как мировая война нарушила сколько-нибудь нормальное течение. Еще более невозможно строить какие-нибудь предположения о картине арабской литературы в начале 20-х годов XX века. В прошлом можно более отчетливо видеть два периода: до 70—80-х годов — эпоха героической деятельности «столпов возрождения», когда закладывалось самое здание и создавалась читающая среда, а с этого времени — работа нового поколения, вышедшего уже из новых школ, выросшего в новых условиях жизни.

Несмотря на всю силу европейского влияния, было бы ошибочно характеризовать ново-арабскую литературу исключительно этой чертой. Оно воспринимается не всегда пассивно: на фоне его идет горячая борьба

старого и нового в самом арабском мире, борьба мусульманства с христианством, пан-исламизма и национальной идеи. Все эти течения часто перекрещиваются, порождая новые направления, а нередко и водовороты.

И в древне-арабской литературе нам известны те же явления, но дальность хронологической перспективы часто их затушевывает, а кроме того и наш интерес вызывается в этой области другими соображениями. Древне-арабскую литературу мы во всех отношениях можем назвать классической. В мусульманском мире она играла такую же роль, как греко-римская в Европе, санскритская в буддийских странах, китайская на дальнем востоке. И не только историческое значение позволяет назвать ее классической, но и внутреннее абсолютное достоинство. Раскрывая жизнь человеческого духа на одной из высших ступеней развития, она и теперь может дать опору для духовной жизни человека, даже не ограниченного теми же национальными или религиозными рамками. В этом одна сторона ее вечного неуывающего достоинства. Помимо этого, по сравнению с индо-европейским нашим миром она является, как обыкновенно говорят, «оригинальной» и этим доставляет возможность непосредственного эстетического восприятия и подхода. С точки зрения обще-человеческой истории древне-арабская литература составляет необходимое звено европейской культуры в ее органическом развитии. Без нее и это развитие навсегда осталось бы непонятным, интерес, чувствуемый к нему, — только обычный человеческий интерес к своему собственному прошлому.

В противоположность этому, попытка подойти к ново-арабской литературе с тех же сторон обречена на полную неудачу. Поскольку она нова — она стоит под европейским влиянием, хорошо известным нам из первоисточника и оригинала; поскольку традиционна — представляет только более или менее удачное подражание более или менее великим образцам прошлого, которые тоже обыкновенно нам известны. Иногда от востока здесь остается только язык, все же существо говорит о западе. Едва ли бывает лучше, когда в ее облике мы видим тот «восток во фраке», о котором мечтал написать книгу Флобер. Полное разочарование постигает человека, который привык смотреть на восток сквозь призму красивых романтических легенд о его прошлом, быть может, тоже никогда не существовавшем в таком виде, как его запечатлела фантазия.

И все же, эта ново-арабская литература интересна, быть может, не менее древней, открывая такие стороны, которые мы лишены возможности наблюдать в последней. Ее интерес может быть охарактеризован двумя великими идеями — жизнь и борьба. Древняя литература уже завершила свое развитие, она может быть пазвана мертвой в том смысле, как принято говорить о мертвых языках. Жизнь в ней, конечно, была, и бытие ее можно уловить, но вся эволюция прошла не на наших глазах, мы не можем ее осязать так наглядно, как в новой. В новой жизнь идет безостановочно, переломы часто совершаются болезненно, иногда наступают искусственные перерывы, но все движение остается в поле нашего зрения. Мы являемся почти очевидцами всей борьбы, столкновения целого ряда начал, которые затушеваны для нас прошлым в древней литературе. На наших глазах совершается создание нового духа, проникновение европейских форм арабской сущностью; нередко она оказывается сильнее, чем можно было думать по той подражательности, с которой началась ново-арабская литература.

Ставить для нее какие-нибудь прогнозы теперь и бесполезно и невозможно. Только будущее может показать, внесет ли ново-арабская литература

какие-нибудь элементы в обще-человеческую сокровищницу. Нельзя забывать, что она насчитывает едва сто лет своего существования и для своего народа сделала многое. Следить за развитием человеческой души, как она открывается в ней, благородная задача для всякого мыслящего человека. И только таким путем можно узнать настоящий восток, не закутанный дымкой наших собственных фантазий, но и не отраженный вогнутой зеркалом надменного европейского высокомерия.

Петроград.
22 февраля 1922 г.

И. Крачковский

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Обстоятельства, при которых пишется эта статья, по существу дела, не позволяют автору назвать ее так, как он ее назвал, ибо те несколько запоздалых и разрозненных номеров китайских журналов, которые случайно дошли до умеющего их читать, не дают достаточного материала для суждения о «писателях» и «переводах», а скорее, лишь об одном писателе и об одном его переводе. Однако, при внимательном просмотре можно было в этих журналах наблюдать явление, выходящее за пределы случайности, и, таким образом, множественное число заголовка статьи, хотя и не планомерно, но оправдывается.

С тех пор как китайский классический язык, овладение которым достигалось на его родине с таким чудовищным трудом, перестал безраздельно царствовать в китайской литературе и слышимые уху формы языка начали поднимать голову, в китайской литературе была пробита большая брешь, в которую сразу устремилось все то, что ранее бушевало за плотной живой моря человеческой мысли, но от цветущих садов литературы было отгорожено затейливо построенною и заботливо поддерживаемой стеной. И прежде всего, в ритмическую, музыкальную, построенную из древних мелодических единиц китайскую речь, которая до этого времени все идущее со стороны должна была предварительно подвергать музыкальной трансформации на старинный лад, в эту речь хлынули бесконечные потоки переводов с иностранных языков. Для них уже не существовало непреодолимых трудностей переложения на старинную речь, к их услугам оказался живой, разговорный язык и его многообразные компромиссы со старым, так что любое произведение Запада могло уже пайти себе быстрю кисть ловкого переводчика.

В первую очередь, конечно, пошли английские и американские писатели, и понятно почему: англо-американская культура наводнила и очаровала Китай более, нежели какая-либо другая.

За переводами с английского шли переводы с французского, немецкого и других языков. Переводы с русского шли в последнюю очередь, и до позднейшего времени вряд ли даже существовали, или если делались, то не с оригинала, а с английских переводов. Тем не менее дело ознакомления китайцев с русской литературой, хотя бы и из вторых рук всетаки подвигалось, и Толстой, Достоевский в некоторых своих частях переводились на китайский язык.